

Читайте в серии
МАГИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Медвежий край
Уездный город С
Сердце непогоды
Провинция у моря

Дарья
Кузнецова

Провинция
у моря

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Иллюстрация на переплете — Mary Iv (Марии Ивановой)
Оформление серии Екатерины Петровой
Редактор серии Анастасия Осминина

Кузнецова, Дарья Андреевна.
К89 Провинция у моря : [роман] / Дарья Кузнецова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.
ISBN 978-5-04-250208-8

Альтернативная Российская империя.
1923 год, Таврическая губерния.

В новой археологической экспедиции графу Филиппу Гурьеву улыбнулась удача: здесь был найден старый город и даже развалины древнего храма. Но вскоре на раскопках начинают происходить странные события: отравления, взрывы, диверсии — а затем и покушение на убийство.

Полицмейстер Александр Шуховской решает лично разобраться в случившемся. В конце концов, начало осени в Тавриде — прекрасное время для отдыха у моря. Если бы только не тревожные предчувствия...

Кто пытается помешать раскопкам? Шуховской понимает, что следует уже не просто дело о мелком вредительстве и суевериях: археологам грозит настоящая опасность.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250208-8
© Кузнецова Д.А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Оглавление

Пролог	
Ничего не происходит без причины	7
Глава 1	
Один ум хорошо, а два — лучше	12
Глава 2	
Покажи мне своего друга, и я скажу тебе, кто ты	35
Глава 3	
Существует лишь одно добро — знание и лишь одно зло — невежество	68
Глава 4	
Не хвалят святого, не творящего чудес	109
Глава 5	
Единственное, что в жизни возможно без усилий, — это неудачи	142
Глава 6	
Кому суждено утонуть, тот не будет повешен	174

Глава 7	
Чужая душа — потёмки	208
Глава 8	
Ночь имеет уши, а день — глаза	240
Глава 9	
Благодарность стареет быстро	277
Глава 10	
Истина проста, а слова её ещё проще	311
Эпилог	
И после тысячи невзгод жизнь снова становится сладкой	345

Пролог

НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ БЕЗ ПРИЧИНЫ

Τίποτα δεν γίνεται χωρίς αιτία.
Αριστοτέλης
(Аристотель, философ)

8 сентября 1923 года, Петроград

До войны, при жизни родителей, совместные завтраки в семействе Титовых были доброй традицией в любой день, будь то праздник или середина заурядной недели. Отец никогда не брал за стол газету, и семья делилась планами, мыслями, тревогами — теми, которые уместно обсуждать за завтраком. Потом...

Не стало отца, зачахла от горя мать, Натан ушёл на фронт, и сёстры остались вдвоём. Они старались проводить вместе ещё больше времени, это позволяло одолеть горе и притупить страх. Ольга и Анна любили друг друга, но того светлого чувства из детства обе испытать не могли. Не так уж много осталось от их семьи, времени не те, где взять прежнюю безопасность!

По счастью, брат вернулся живым, в госпитале его поставили на ноги, и понемногу Титовы — вместе со всей страной — вернулись к обычной жизни.

После отставки по ранению брат перевёлся на службу в сыскную полицию, неплохо зарекомендовал себя там,

да и дело это нашёл чрезвычайно интересным. Анна поддразнивала: она с ранней юности стремилась стать судебно-медицинским экспертом, и хотя семья такого решения не одобряла, но своего упрямая барышня добилась. Натан негодовал даже больше родителей — и вдруг вот, почти коллеги. Уже не очень-то поругаться: Анна хотя и молодой, но весьма толковый специалист, в бюро судмедэкспертизы её ценят.

Как старшая в их маленькой семье, Ольга старалась вернуть любимый с детства обычай утренних разговоров, но выходило плохо: всем троим служба порой не позволяла встретить утро в родных стенах. Причём, как ни обидно это сознавать, наиболее злостной нарушительницей была она сама. Если Анна с Натаном не ночевали дома только в дни дежурства, то старшая сестра порой пропадала в рейсах по неделе, а то и больше. Штурман грузового дирижабля не может позволить себе оседлости, и это был, пожалуй, единственный недостаток любимого дела.

Сегодня выдался тот редкий и особенно прекрасный день, когда никто из троих не спешил, поэтому завтрак вышел обстоятельный и душевный. Не каждодневная традиция, но... Может, так даже лучше! Тем ценней каждое подобное утро.

— Вы представляете, — поделилась Ольга за чаем, — нас отправляют в Тавриду, притом едва ли не на месяц!

— Не вижу повода для печали, сейчас самое время, — улыбнулся брат. — Говорят, в сентябре там чудесная погода.

— Возьми с собой Натана, — искоса глянула на него Анна, младшая из троих. — Вот уж кому сам Бог велел в те края выбраться по осени!

— Только меня туда никто не отправляет, — с иронией отозвался тот. — Да и какая мне Таврида, когда в части два убийства и серия краж? Да и Шуховской наш куда-то отбывает на несколько дней, на нас вся ответственность — не посрамить честь мундира и не подвести начальство.

— Можно подумать, в его отсутствие в вашей службе что-то изменится!

— Жаркову это объясни, — рассмеялся Натан. — Он уж скоро плешь проест со своими переживаниями. А ты — в Таврию!

Анна не смогла возразить решительно и по делу, но всё равно проворчала нечто недовольное про его здоровье и подходящий климат. Петроградское лето в этом году выдалось типичным, август щедро поливал дождями, а сентябрь так и вовсе принёс решительную и бескомпромиссную осень — уже неделю безостановочно мелко моросило. Последствия ранения давали о себе знать, так что Натан в этакую сырость отчётливо хромал, но изо всех сил старался не замечать и бодриться. Но разве сестру, живницу, да ещё с медицинским образованием, проведёшь?

— Оля, а почему так надолго? — спросил он, заминя неприятную тему. — Это лучше, чем если бы вас в Архангельск отправили или вовсе куда-то в Петропавловск, но всё равно...

— История совершенно нелепая, — отозвалась она. — Вы же помните графа Гурьева?

— Гурьева? — нахмурился Натан.

— Это такой долговязый чудака? — припомнила Анна. — Он вроде бы историей увлекается.

— Точно, а ещё у него несколько больших заводов, — сообразил брат. — Станкостроительный в Твер-

ской губернии, верфь в Севастополе, весьма приличная верфь в Кронштадте, у нас тут неподалёку. — Насколько Натан мог судить, хозяином граф был толковым и рачительным. Рабочие держались за места, жалование получали достойное, при верфи была неплохая больница, а слободка и вообще её район очень редко доставляли беспокойство полиции. — И история, верно! Несколько лет назад большая кража была в этнографическом отделе Русского музея, он там как независимый эксперт выступал. То-то я думаю, имя знакомое вовсе не в светском ключе...

— Вот в историю свою он нас и втянул, — улыбнулась Ольга. — Раскопки у них там какие-то, он пожелал, чтобы мы постоянно под рукою были. Благо Гурьев не скупится, говорят, даже вышку временную где-то там рядом соорудили.

— Интересно, зачем ему дирижабль? — удивился Натан. — Раньше же как-то удавалось обойтись без...

— Может, рассчитывает на грандиозное открытие и много чего хочет быстро в Петроград отвезти? — Сестра легкомысленно пожала плечами. — У богатых свои причуды. Как наш Максим Сергеевич говорит, платят хорошо и по времени, а солдат спит — служба идёт.

— Не забывай писать, оттуда же должна почта ходить! — попросила Анна. — И телеграмму отбей, как только доберёшься.

— Слушаю и повинуюсь! — рассмеялась Ольга. — Каждый день не обещаю, но там как будто совсем недалеко от Севастополя и не вовсе уж глушь, думаю, восточку отправить выйдет. Натан, ты ведь поможешь мне собрать вещи? Там обещают жизнь в палаточном городке, а я представления не имею, что там может понадобиться!

— Разумеется, помогу. Но я не думаю, что там будет уж слишком дико, — заверил Титов. — Если Гурьев даже причальную вышку построил, то и лагерь будет со всем необходимым, нынче масса удобных вещей придумана, способных облегчить жизнь. Когда вы отправляетесь?

— Во вторник вроде бы, одиннадцатого, так что времени достаточно.

— Чудесно, сегодня и займёмся, как раз у меня выходной.

Глава 1

ОДИН УМ ХОРОШО, А ДВА – ЛУЧШЕ

Ένα μυαλό καλό, αλλά δύο καλύτερα.
(Пословица)

2 сентября 1923 года, Петроград

Филипп никогда не любил оперу. Наследник старого графского рода получил разностороннее образование, к искусствам его тоже приучали, но коли от рождения не досталось ни музыкального слуха, ни чутья, ни малой толики таланта, впрок наука не пойдёт. При большом желании можно было бы добиться приличного результата, тем более упорства Гурьеву хватало с лихвой, вот только и любви к музыке он особой не питал. То ли дело театр! Постановки, в которых люди почти волшебным образом перевоплощались в других людей, да ещё каждый раз новых, зачаровывали его с детства, с того маленького домашнего театра, который держала матушка в родовом гнезде и в постановках которого сама не гнушалась участвовать.

Однако человек, увы, далеко не всегда делает то, что ему по нраву, даже если он богат и знатен. Помимо множества семейных дел, отец оставил Филиппу и фамильное чувство ответственности, поэтому к обязанностям своим молодой граф относился с похвальной старательностью. Он сумел совершить невозможное, научившись совмещать продиктованные титулом и вла-

дениями обязательства с любимым делом, но на большее рассчитывать не приходилось.

Сегодняшняя премьера была данью светским повинностям: как бы ни чурался их Гурьев, но всё же долг велел порой являться в обществе. Театр почтил своим присутствием государь с семейством, и хотя приглашения в императорскую ложу Филипп, к собственному облегчению, не получал, от посещения его это не освобождало, тем более что у Гурьевых имелась своя ложа. Покойная графиня, в отличие от сына, обожала музыку, и при её жизни та пустовала нечасто.

С этим визитом в театр Филиппа примиряли два обстоятельства. Давали «Царя Эдипа» Стравинского¹, а самой большой страстью Гурьева была история, и больше всего прочего — история Древней Греции. Трагедию Софокла он знал прекрасно, любил, как и многие другие античные произведения, и на такой основе мог вытерпеть даже ненавистный жанр. Тем более поставили красиво, с большим размахом, а что он порой досадливо морщился на самых впечатляющих ариях — так в сумраке зала всё равно не видно.

А ещё в кои-то веки Гурьев по доброй воле пришёл в театр для того, для чего являлось сюда большинство знатных бездельников: встретиться и поговорить с нужными людьми. Человеком, совершенно определённым, которого Филипп пригласил в свою ложу — и с трудом дотерпел до перерыва. Он надеялся поговорить до начала, но гость едва не опоздал, пришлось дожидаться антракта.

¹ В действительности премьера оперы в театральном исполнении состоялась только в 1928 году в Вене, однако в отсутствие революции и при несколько ином ходе Великой войны она вполне могла бы появиться на свет раньше.

Наверное, куда разумнее было бы встретиться с этим человеком тайком, но подобных свиданий Гурьев никогда не устраивал и боялся опростоволоситься, а пригласи к себе — кривотолков не оберёшься. Весь свет прекрасно знал, что граф-чудак не жалуется гостей и никого не зовёт, и показалось куда более благоразумным встретиться на нейтральной территории. Конечно, здесь они тоже на виду, но подобная обстановка всё равно показалась более правильной и привлекающей меньше внимания.

— Филипп Осипович, поделитесь уже, что вас так тревожит? — заговорил гость, когда занавес опустился, зажёгся свет и великолепный зал Мариинского театра наполнился оживлённым гулом голосов.

Конечно, нервность Гурьева он заметил. Шуховской Александр Александрович не просто так занял пост начальника столичной сыскной полиции, проницательности и наблюдательности ему было не занимать. Почему и обратиться Филипп решил именно к нему, не надеясь на собственные силы.

— Это было заметно? — смутился граф.

— Вы дырку в них скоро протрёте! — Александр с выразительной насмешкой взглянул на очки, которые Гурьев нервически протирал платком. Наверное, уже сотый раз за время представления.

Филипп пробормотал под нос что-то невнятное, извинился, попытался надеть очки и едва не ткнул себя дужкой в глаз, опять извинился...

— С вашего разрешения, господа, отлучусь припудрить носик, — понятиво улыбнулась супруга полицеймейстера.

Мужчины немедленно поднялись с мест, причём Филипп выронил очки. Пока поднимал, Шуховской открыл для супруги дверь. Агата Германовна бросила на

молодого графа сочувственный взгляд, коснулась руки мужа и просительно улыбнулась. Женаты они были уж больше тридцати лет, так что прекрасно понимали друг друга без слов. Впрочем, даже без напоминаний супруги Александр Александрович был настроен помочь Гурьеву — если это в его силах.

— Мне весьма неловко, но, боюсь... — начал Филипп через минуту, когда оба вернулись в кресла, а очки заняли своё место на графском носу.

Однако договорить вновь не удалось. После короткого торопливого стука дверь в ложу распахнулась, являя незваного гостя. Рослый, солидный господин лет пятидесяти, с лоснящимися усами и в безупречно сидящем смокинге, распахнул объятия, явно приглашая графа в них упасть, словно старого друга.

— Филипп Осипович, дорогой, как давно вас не было видно! Всё в делах? — Голос у гостя был под стать наружности — сильный, звучный, словно в ложу явился не зритель и титулованный дворянин, а один из певцов.

— Здравствуйте, Сергей Борисович, — кисло отозвался Гурьев. Будто бы по рассеянности не вышел из-за кресла, протянул руку для приветствия через спинку — а гость и виду не подал. Будто так и надо, схватил ладонь обеими руками, энергично потряс. — Познакомьтесь, его сиятельство князь Коркодинов Сергей Борисович, а это добрый друг моего отца, Александр Александрович...

Худощавый, немного сутулый, он был на целую пядь выше небольшого князя, но тем превосходство и ограничивалось. Филипп выглядел рядом с гостем бедным родственником. Он и так не отличался красотой и статью, а благородный вечерний наряд, кажется, ещё больше уродовал беднягу. Мало было пошить смокинг